Правда о Достоевском

Ни об одном русском классическом писателе не написано за рубежом столько путаных статей и исследований, сколько о Достоевском. Реакционные литераторы немало потрудились над тем, чтобы исказить, ополшить и оклеветать великого русского писателя. Фальсифицируя его взгляды, умышленно отрывая Достоевского от исторических, классовых условий, реакционеры всех мастей кричат о «достоевщине», как об истинном выражении «русской души», как о ключе к «разгадке тайны России». Именем Достоевского десятилетиями спекулируют враги прогресса.

Любопытно признание белоэмигранта Бердяева, заклеянного Лениным ренегата. Ныне Бердяев поднят на щит западноевропейской декадентствующей интеллигенцией и объявлен идейным вождем «персонализма». В предисловии к своей многоглубокомысленной, а на деле грязной книжонке о Достоевском, изданной в свое время американским издательством, Бердяев заявлял: «И я написал книгу, в которой не только пытался раскрыть мирозерцание Достоевского, но и вложил очень многое от моего собственного мирозерцания». Характерное признание!

Следует ли после этого удивляться, что Достоевский под пером бердяевых превратился в патриота Европы, а не России, что он объявлен врагом гуманизма (ибо Достоевский, видите ли, «окончательно порвал с гуманизмом Белинского», потому что «гуманизм губит человека», «берет человека в плоскостном измерении»).

Долг советских литературоведов покончить раз и навсегда с этой подлой игрой, выбить из-под ног фальсификаторов самую почву, на которой они строят свои клеветнические измышления.

Книга В. Кирпотина «Молодой Достоевский» хороша именно тем, что на основе богатого историко-литературного материала разбивает многие реакционные легенды, покрывшие, как паутина, нмя великого русского писателя. Автор показал сложную идеологическую обстановку, в которой вы-

растал Достоевский — писатель и мыслитель. Не обходя мучительных противоречий, терзавших Достоевского, он дает убедительное марксистско-ленинское объяснение этих противоречий.

Особенно ценными нам представляются главы о социальном опыте Достоевского, о его взаимоотношениях с Белинским, о «проблеме человека».

Чуткость Достоевского к страданиям униженных и оскорбленных, страстное желание помочь им, — все, что нам дорого в его творчестве, основано на идеях, полученных в молодости в лагере русской революционной демократии, главным образом, от Белинского, первоучителя и* наставника юности писателя. Позднейшие реакционные влияния не могли вытравить из сознания автора «Бедных людей» усвоенных им в юности идеалов.

В. Кирпотин подробно говорит об эпохе 40-х годов. В главе «Достоевский и Белинский» он показывает огромное воздействие «неистового Виссариона» на Достоевского, непосредственного, колеблющегося и готового усомниться в правоте боевого гуманизма. Близость к чуткому и непримиримому Белинскому помогла художнику преодолевать сомнения — он становится петрашевцем.

Несомненный интерес у читателя вызовут главы книги об особенностях реализма Достоевского 40-х годов и о важнейших особенностях его стиля этого периода.

Плодотворность марксистско-ленинского метода в литературоведении сказывается в этой работе В. Кирпотина с особенной ясностью. Гуманизм русской литературы, ее веру в прогресс В. Кирпотин правильно объясняет тем, что в России зрела народная революция. Предчувствие этой революции, независимо от ее субъективного восприятия, придавало большую силу творчеству молодого Достоевского.

Враги революции пытались сделать из Достоевского «пророка нового христианства», глашатая русской «мессианской идеи», «открывателя подпольного человека». Напуганные народным движением, бердяевы, мерещковские и иже с ними выдавали себя за «родственные Достоевскому души». Их страшила «бездна революции». Саморазрушение и самосжигание, — кликушествовали они, — русские национальные черты.

Да, герои Достоевского метались в поисках праведного счастья. Но их страдания не были выдуманными. Достоевский не понимал причин невыразимых страданий человечества, но книги его прозвучали, как сигнал бедствия, как призыв о помощи.

Только советское литературоведение говорит правду о Достоевском, и эта правда колет глаза всем его реакционным «почитателям» и «поклонникам», которые гигантской фигурой русского писателя пытаются прикрыть свои антинародные махинации, свою духовную опустошенность и моральную нечистоплотность.

Сороковые годы сыграли выдающуюся роль в формировании всего творческого облика великого писателя. Но, увлекшись анализом этого периода, В. Кирпотин недостаточно четко проводит линии связи между ранним и зрелым Достоевским. Односторонним поэтому нам кажется «Заключение», в котором автор подводит итог первому периоду литературной деятельности писателя, но не перебрасывает моста к последующим годам. Эта глава должна была бы стать введением к исследованию зрелого периода творчества художника. Ведь книга о молодом Достоевском подводит читателя вплотную к самому драматическому моменту в биографии писателя, к его резкому повороту вправо. В. Кирпотину следовало бы наметить пути развития и разрешения тех противоречий, которые уже прояв-

лялись в авторе «Бедных людей» и «Двойника».

В главе, посвященной повестям о мечтателях, В. Кирпотин указывает на то, что в них «главное свое внимание Достоевский, как художник, обращает не на условия, препятствующие деятельности, а на людей, не способных к деятельности».

Из всего хода его рассуждений, естественно вытекает, что переход от «Бедных людей» к повестям о мечтателях — шаг, если не назад, то в сторону от основной магистрали прогрессивной литературы «гоголевского периода». Поэтому нельзя согласиться с утверждением В. Кирпотина: «Повести Достоевского о мечтателях являлись как бы художественной параллелью к учению Белинского о действительности». Оно опровергается самим автором монографии, справедливо указывающим в «Заключении», что «только «Бедные люди» встретили единодушное признание и восторг всех последователей Белинского и Гоголя, всего передового крыла русской общест-

венности». Тревожные сомнения Белинского в идейной направленности молодого Достоевского вызваны уже «Двойником» и усиливались последовавшими за ним повестями о мечтателях. Будь они в действительности «художественной параллелью к учению Белинского о действительности», великий критик не отнесся бы к ним с такой суровостью. Неуверенность и шаткость идейных позиций писателя отразились и на художественной стороне этих произведений — в них реалист Достоевский прибегает к символической и фантастической манере, также вызвавшей осуждение Белинского.

Можно было бы поспорить и по ряду частных вопросов, но не они определяют характер книги, ее пафос.

Знание фактов и умение их истолковывать, четкая аргументация и обдуманная концепция, любовь и уважение к писателю, не закрывающие перед исследователем его пороков, идейная целенаправленность и большевистская принципиальность — все это делает книгу В. Кирпотина «Молодой Достоевский» ценным вкладом в советскую науку о литературе.

В. Кирпотин, «Молодой Достоевский». Гослитиздат. 1947. 403 стр.

„Лит. газета“ 26-ХІІ. 47